

Александра Казакова

Море грёз, не окинешь ВЗГЛЯДОМ

18+

Александра Казакова

Море грёз, не окинешь взглядом

«Автор»

2025

Казакова А.

Море грёз, не окинешь взглядом / А. Казакова — «Автор», 2025

Мирослава живёт в суровом Заполярье. Или ласковом? Она уверена во втором. А ещё презирает "мудрость века сего".

© Казакова А., 2025

© Автор, 2025

Александра Казакова

Море грёз, не окинешь взглядом

"Юная Лариса Черникова". Не потому, что певица, а потому, что кто-то решил, что лететь за границу в первую волну коронавируса – восхитительная идея. Мой Лёша заразился осенью 2020 года, как раз когда пошла вторая волна после летнего затишья. Прививок тогда ещё не было. Температура под сорок, только госпитализация. Странно, что больше никто из нас не заразился вообще тогда, и сразу, и спустя две недели тесты были отрицательные.

Тогда, 22 сентября, в осеннее равноденствие, я видела Лёшу вживую последний раз. Красная зона. Кошмар на Земле. Переписки, молчаливые звонки с маской на лице. То в сознании, то без. Даже в других отделениях больных родственники старались не посещать: боялись заразить, а ослабленному организму вирус куда страшнее. А тётя призывала их к совести заочно перед экраном телевизора.

Солнце стремительно уходило на юг. Прогнозы шли неутешительные. То один Лёшин сосед умирал, то другой, напоминая какую-то жуткую очередь на расстрел. Лёша забывал, какое время года, в его понимании был ещё конец сентября, а за окном бушевал то дождь, то снег. Вот и полярная ночь, Новый год с прямой трансляцией. Я желания не загадываю, это язычество, да и не пью. Помню, как тогда, после боя курантов, Лёша смог заговорить и сказал:

– Мира, обязательно сделай прививку, как появится.

– Обязательно сделаю, – уверила его я.

Это не было последним разговором, болезнь продолжалась ещё много месяцев. Мурманск перешёл в 2021 год, день начал быстро нарастать, как бывает в высоких широтах. 11 января с каникул вышло солнце, первый день всего на десять минут. Во второй – уже увереннее, почти на час. Ещё до праздников я прививалась от ковида и родителей отправила. Только детей, близнецов Мишу и Настю, нельзя было защитить. И тётю с её дочерью, но это уже отдельная тема...

Шла весна, день нарастал стремительно. Весна – время надежд, но и максимальной слабости, наибольшей удалённости от лета. У меня была какая-то языческая убеждённость, что весна – это финиш, самое трудное позади, сейчас будет легче. Но, увы, солнце – непременный гарант защиты от болезней для антипрививочников и натуропатов – здесь помочь не могло. В День космонавтики мне сообщили, что состояние критическое и выйти из него вряд ли удастся. Солнце в тот день село в полдевятого каким-то жутко-красным.

Майский локдаун. Белые ночи я проводила на северном балконе, несколько дней совсем не спалось, но не из-за света: раньше я всегда засыпала в полярный день. Сессия на носу, я старалась не волноваться и училась, читала, досдавала задания. Лёша хотел, чтобы я хорошо училась, ему не нужны мои переживания. Один зачёт сдала досрочно, 14 мая.

21 мая, пятница. Солнце приближается к полуночи, уже завтра оно совсем не сядет. Лёша так любит это время! Я стояла на балконе с телефоном и снимала для него. Солнце на севере, через полюс, в максимально низкой точке, длинные-длинные тени на юг, солнечные часы у нас с полным циферблатом, двадцать четыре отметки. Завтра я Лёше это покажу!

Утро было уже хмурым. Да, не получится, скорее всего, заснять картину полуночного солнца. Что ж, светло всё равно будет. На севере темно? Да, у нас солнце не поднимается высоко, но и не погружается так сильно. На экваторе, где оно над головой, там оно и под ногами. Никаких тебе сумерек, словно выключателем щёлкнули, сразу чёрная ночь, и нельзя не включать фонари. Пошёл унылый дождь, потянуло в сон.

От занятий в 11:17 по московскому и местному времени меня отвлек телефон.

– Здравствуйте. Шевчук?

– Да.

– Мирослава Шевчук? Понимаете...

Лёша умер? Умер. То, чего ждали и боялись. Но развязка наступила, уже нечего было ждать дальше. Томительная неопределённость сменилась ясностью. Никто никому не принадлежит, люди просто идут рядом какое-то время жизни. Мы гости на Земле, живём лишь раз. В рамках вечности ведь не так и важно, двадцать семь лет, восемьдесят или сто. Каждый родившийся умрёт. Меня не мучила ни тоска, ни печаль, наоборот, какое-то тихое настроение было. Только надо торопиться жить.

В ту летнюю сессию было два экзамена, я придумала себе третий, чтобы пропустить генеральную уборку, затеянную приехавшей тётёй. Бродила по улицам, ноги несли и несли меня. Но почему-то я не чувствовала ни тоски, ни несчастья. Что было, то и было. Главное – тётё не говорить, а то раз не переживаю, значит, не любила. Просто какое-то спокойствие и желание отдохнуть.

Полярный день. Лёша не дожил. Для него весна была последней. Последняя осень, последняя зима, последняя весна. Для меня ведь тоже когда-то начнётся последний год. Наступит дата, а за ней следующая, уже последняя. Как для Лёши 22 сентября ещё имело пару, а 23 уже нет. Да и двадцать второго для него повторились часы до десяти. А от одиннадцати до двадцати четырёх – уже нет. Одиннадцать не было – ни утра, ни вечера. Словно циферблат разрезали.

Северное лето шумело. Нигде не горел искусственный свет, вся иллюминация – зимой. За летним звёздным небом тоже надо ехать на юг. На северных окнах прекрасно росли цветы. Тени всё равно длинные. По улицам ходили туристы, приехавшие смотреть на полярный день. Ещё год назад мы шли вместе, а теперь как-то непривычно. Шаги у меня твёрдые, пространство кажется безграничным. Ночью совсем не холодает, поскольку она только формальная. Говорят, что время можно определить только по часам. Нет, ещё по положению солнца. Его видимый путь – вполне себе солнечные часы.

23 июля. Солнце впервые снова село за горизонт. Теперь белые ночи. Я всё так же сажала Мишу и Настю в коляску и катала подолгу, они спали, я думала о своём. Светлые яркие стены домов отражали лучи, машины пускали солнечные зайчики. Одинокая, юная Лариса Черникова. Всё снится мне прошлое, что мы вместе. На длинный световой день как-то легче всё переживать. Снова шумный день, снова я иду в лес, к цветам, вдоль железнодорожной магистрали.

12 августа. Ночи уже синие, как в Москве в самые длинные дни. Зажглись огни, теперь они тонули в воде, волны их размывали, словно капли масла, и вода блестела. Ложусь спать ещё при солнце, поэтому не так заметно. Ещё на неделю зарядили дожди, ветер хлестал в окна так, что казалось, разобьёт. Тётю просили не открывать, она, конечно, открыла, отчего налилось много воды на пол, а створка моталась. Облака уже становились по-осеннему низкими, ранние сумерки в такую погоду воспринимаются скорее тёмным временем, чем светлым.

30 августа. Астрономические сумерки. Первая осень без Лёши. Грустно становится. Если есть белые ночи, то есть и чёрные дни. Закат уже до девяти, вечером уже надо включать свет. Грустно, но другим тоже нужно солнце. Скоро северная комната станет тёмной.

15 сентября. Проклюнулась ночь. Теперь обычная смена дня и ночи, как в средней полосе. Восход в шесть, закат в семь, всё ближе к равноденствию. Выдаёт только медленная заря и большая скорость убывания дня. Поговорка "Пётр и Павел час убавил, а Илья пророк два уволок" – не про Москву, а как раз про север, у нас так стремительно. Всё дальше и дальше уходило от лета, и в то же время ближе: цикличность никто не отменял. 22 сентября. Вот утром все только проснулись, вот Лёше плохо, вот ждём врача. Уже год прошёл!

Полуденное солнце уже стало скрываться за маленькой ёлочкой. Вторая четверть в школах, снег лёг сначала робко, потом уверенно завалил сугробами. 1 декабря. Первая зима без Лёши. Я с высоты наблюдала последний в этом году закат. Сначала освещался снег, где я сто-

яла, потом в тени остались ноги, кисти рук, локти. Потом лучи стали светить выше моего роста, в окна первого этажа, второго, потом только крыши. Всё, полярная ночь, теперь больше месяца солнце будет отражаться только в облаках.

Не знаю, когда встречу с Лёшей. Уж точно нет всяким тёмным мыслям. Незрелая личность без должного жизненного опыта не должна идти в вечность – там ей нет места, её не встретят. Это как школьник, недоучившийся, маленький, сбежит с уроков и захочет присоединиться к выпускникам на экзаменах.

Я не знаю, в каком я классе в жизни. Наверно, в каком-нибудь начальном, судя по возрасту. Помню, как сама была младшим звеном, старшеклассники казались огромными, думала, что мне до этого так далеко. А потом я сама выросла. Так, незаметно, за уроками и книгами, дружбой и прогулками. И теперь я сидела на консультациях к экзаменам, а с нашим классом вместе были малыши, поскольку учительница – их классная. И пока мы решали, им включали зарядку с енотом, они потом шли на внеурочку. Математичка смеялась: "Что, тоже так хочется? Нет, это не для вас, вы выросли". А мне и не хотелось, я это всё прошла.

А хотя – не знаю, сколько проживу. Может, этот год – выпускной? Тётя мне ещё нагадала против моей воли (я такие вещи не приемлю), что буду долгожителем. Ещё всякие цифры посчитала в имени в фамилии, вывела цифру сто два года. Чушь кошачья. Только измазалась в оккультизме, каялась потом.

Сегодня было 22 декабря, главный день полярной ночи, по иронии судьбы отключили свет неизвестно на какой срок, ещё вчера. Я возвращалась как раз с очередной прививки, второй. Завтра надо код активировать. Дома не было никого. Родители уехали в командировку до шестого января. Дети недавно заразились коронавирусом, их три дня назад отправили в больницу.

Напрасно думают, что наша полярная ночь – это сплошная непроглядная ночь. Только на полюсах солнце ходит по плоскому кругу. А у нас только шестьдесят девятая параллель, поэтому всё же поднимается для нас, пусть зимой и ниже горизонта. Рассвет переходит в закат. Кажется, что сейчас я зайду домой, а там Лёша меня встречает. Но никого, тишина, заря уже догорает. Я уткнулась жидкими кудрями в подушку и лёжа упала в обморок.

Требовательный голос:

– На кровати валяешься, Мария Максакова?

Опять Ксюню привезли! Все её зовут Ксюндель-хрюндель за ужасное поведение. Это моя двоюродная сестра. Единственный ребёнок в семье – и всё этим сказано. Наши мамы – родные сёстры, мама – старшая. Ксюне уже четырнадцать лет, но это незаметно.

– Давай смотреть Барбоскиных! Ну давай!

– Света нет.

Ксюня была детского роста и не тяжелокостная, однако весом восемьдесят кило. Это тётя позаботилась. Вообще, она слишком заботилась. Говорила, что растит принцессу. Но принцесса – это либо замуж за принца, либо родители соответственные, а тут что, родители – прислуга? Ладно бы нацеливали на карьеру, да хотя бы просто на хорошую работу, но ведь Ксюня собиралась стать никем.

Даже нельзя сказать, умная она или дура. Ведь чтобы определить, есть талант или нет, надо попробовать. Может, она могла бы стать физиком, врачом, художником, писателем. Это я безо всякого сарказма. Но она ведь не притронулась ни к одной школьной науке! Ещё интерес могут разжечь книги, фильмы, да даже песни хорошие. Но это всё тоже не про неё. Чтение она рассматривала исключительно как нудный титанический труд. Я захотела вместе с ней почитать новую книгу для школьников, чтобы просто расслабиться. Но у меня читательская скорость другая, я буду спешить узнать, что дальше будет, а надо будет ждать, пока Ксюня через буквы продерётся.

Никто из родственников не хотел брать её в гости, а её мама усиленно пыталась сплавить, чтобы отдохнуть. У Ксюни не было ни умственной отсталости, ни психических расстройств. Просто ничем не ограниченное нежелание считаться с другими людьми. Запланированный ребёнок, всё по методичке. Мир стал вращаться вокруг девочки ещё до её рождения. Платная одиночная палата, роды по контракту. Всё лучшее, новое, эксклюзивное. Тётя окончательно перестала быть женой и растворилась в материнстве. Все разговоры – сопли, температура, подгузники. Честно говоря, она не была умной и интересной и до беременности. Ребёнку было уже два, она даже не пыталась говорить, ведь был птичий язык для мамы, по которому тут же исполнялось желание. Никаких возрастных кризисов, ведь конфликта не было. Дядя дома ощущал себя лишним. Словно уже был развод, и требовались от него только деньги. Что уж там читать, даже телевизор не смотрела тётя. Только бесконечные мультики с ребёнком. Декрет перешёл в увольнение, попытка пойти в садик провалилась. Совместный сон с ребёнком в три года. Ксюня признавала только маму, папа был не нужен, а уж с бабушкой и дедушкой включалась такая сирена, что уши закладывало.

Ксюнины аппетиты росли, в чём сильно помогала детская реклама, коей нашпигованы современные мультики. "Купи, купи, купи". Некуда девать игрушки, через них все спотыкались. Дядя не хотел идти домой. Из семьи его исключили, поговорить не с кем. Разговоры на эту тему кончались пшиком: "Ты не женщина, тебе не понять материнства". В Ксюнины пять лет был развод.

Работать она так и не смогла, попытка номер два с детским садом кончилась бесконечными звонками на работу. В первый класс всё-таки пришлось идти. "Мы в первом классе", – гласила запись в соцсетях. Ну зачем это "мы", зачем отнимать у ребёнка его достижение? К школе девочка была вообще не готова. Домашнее обучение все посчитали лучшим вариантом. Ибо её страх разрыва с мамой, избирательность в еде никому в школе не упёрлись.

И вот мне сюрприз, новогодний подарок. Надолго ли? Может, на Новый год как раз, решила тётя себе праздник устроить за мой счёт.

– Давай Барбоскиных! У тебя же телефон долго не садится.

Знает ведь. У меня в телефоне очень ёмкий аккумулятор, тяжёлый.

– Давай почитаем.

– Ты же знаешь, что я не люблю читать! Я не в школе вообще-то!

– Как ты знаешь, читают не только для уроков.

– Я – не хочу! Дай телефон! Или я теперь жалеть тебя обязана?

– И у девушек, замужних и разведённых тоже нельзя брать телефон без спроса. Нельзя.

– А со спросом ты не даёшь!

– Потому, что ты лезешь в чужое. Заведи свои переписки, чтобы было интересно в своём.

– А почему тебе твоя мама свой телефон даёт и ты в её Телеграме сидишь?

– Потому, что в личное не лезу, а смотрю только то, что можно. Я старше тебя, тогда такие телефоны только появлялись. Я даже открытую чужую переписку закрою, не глядя.

Эх, кто бы разработал выборочную блокировку приложений! Маленькая девочка, играя, так купила экскаватор. Но это ерунда, можно отменить заказ. Ксюня делала хуже.

Тогда по учёбе мне надо было делать фотофиксацию, я временно настроила блокировку без пароля. Прихожу домой, тётя меня заверила, что одна. Выхожу из ванной – Ксюня визжит: "Сюрпри-из"! Как в американском фильме, где день рождения подростка. Тут мне приходит сообщение от Лёши: "Что это было"? Что это? "Ты был самой большой ошибкой в моей жизни, я от тебя ухожу"... Телефон был на месте. А, понятно, что за сюрприз. Конечно, Лёша всё правильно понял, он не из тех, кто сразу отказывается от человека, не разобравшись. Зачем Ксюня это сделала? "Чтобы ты не вышла замуж, осталась дома и помогала сестре". То есть, ей, обслуживала Ксюню. Нет, она точно не дурочка.

Но был такой поступок, который не то, что простить, осознать было трудно. Год назад тётя решила, что формально дочь уже большая, и собралась устраивать личную жизнь. Ксюня не хотела, закатывала истерики, но мужчина терпеливо объяснял, что любить её будут не меньше, а только больше. Она даже не хотела слушать. Как были рады беременности! Уже собрали документы на регистрацию брака. Но тут была такая дикая истерика! "Вы меня разлюбили, живите дальше с новым ребёнком. Если ты мне мама, делай аборт, убери конкурента". Дикий визг, драка. Тётя на следующий день тайно сделала аборт. Конечно, мужчина ушёл. Тяжело это – такое предательство, которое хуже измены. Так и сказал: "Лучше бы ты с первым встречным спуталась"! Дочь-кукушонок ликовала.

Всё-таки Ксюне пришлось оставаться с нами. Помню, что она всё время требовала смотреть мультики вместе с ней и песни слушать только детские. Если я в наушниках слушаю свой "Мираж", то начинается: "У тебя там секреты? Не надо"! Тётя требовала: "Слушай только детские песни"! Всё, что открыто на компьютере при Ксюне в квартире, быстро становится её достоянием, вот здесь она читать любит. Ещё телефон как-то можно спрятать. Подслушивать разговоры, рыться в вещах – для неё это норма. Она ложится спать с московским рассветом, поэтому ночью будит кого-нибудь, чтобы развлекал её. Помню, мне так надо было сдавать первую сессию, а она орала и скакала. Я потом как пьяная была. Миша и Настя ведут себя куда тише и спокойнее, к режиму приучились.

Детский требовательный голос:

- Заплети косу, как у принцессы!
- Садись, расчешу.
- Нет! Только не расчёсывай!
- А как тогда плести?
- Ну мама же делает!

Я не представляла, как из этого войлока сделать косу принцессы. Ксюня ненавидела расчёсываться, а её мама шла на поводу. Волосы ниже пояса были нетронуты явно не одну неделю. Но ведь у принцесс только длинные! И никакие примеры с принцессой Дианой, с мировыми лидерами не помогали. Ксюня мечтала отращивать ещё и ещё, а моя мама говорила: "Видно же, что голова нечёсаная". Причём тётя всегда просила ухаживать. Сама так воспитала, что даже ей не даётся, а мы что, волшебники? Да, и ногти были такие же. Длинные. Вариант со сном, как для моих малышек, с ней не катил: просыпалась от каждого шороха.

- Больно! Не хочу!
- А я не могу. Хоть остригай нерасчёсанные.
- Злая ты!

Ксюня швырнула расчёску.

– Может, ты не хочешь длинные волосы? Тебя раздражают? Давай обрежем. Новые вырастут.

- Не воспитывай меня!
- Это не воспитание. Я сама не хочу длинные, поэтому стригу. Может, и ты не хочешь?
- Хочу-у-у!
- А раз нравятся волосы, то почему не хочешь их расчесать?
- Не хочу, и всё! Отстань!
- Ещё раз так будет, будешь у меня как Диана Арбенина ходить! – рассердилась я.
- Есть хочу.
- Гречка с мясом на кухне.
- Не хочу.
- Ну, для нехочух у меня нет еды.
- Мне скучно. Мне скучно. Мне скучно!

Я решила читать. Рано или поздно она всё равно пристроится из-за плеча.

- Фу, неинтересная книга!
- Твои проблемы.

Что будет дальше? Мы вдвоём? Что с ней делать? Плакали мои планы. Хорошо тётя устроилась, нечего сказать! Сначала избаловала, а потом на других сваливает. В четырнадцать-то лет любой нормальный человек давно умеет если не помогать, то хотя бы не мешать. Да даже в пять может ходить в сад, сам играть, ложиться спать вовремя и не будить других. Вот кончится девятый класс, сейчас-то уже середина восьмого. Ладно, на ОГЭ ещё помогут. А в десятый потом надо поступать, это отдельная ступень образования. Там всё серьёзно, программа гонится быстрее, без пробок на МКАДе. Все выберут вузы, предметы ЕГЭ, будут заниматься. Ладно, слёзы, взятка, популярность колледжей. И кто подсудит на ЕГЭ? Вместо выпускного будут слёзы. В любом училище, даже куда берут вообще без аттестата, всё-таки надо учиться.

Под бесконечное Ксюнино гундение я поела, потом продолжила читать. Ксюня уже не знала, на какую тему ныть. Всё приелось, развитие не прошло, наверное, даже кризис первого класса. "Маша и медведь", "Барбоскины" и всё, названия чего и не упомнишь. "Бумажики", что ли... Кислотные непонятные монстры. Розово-принцесские грёзы. Это всё как-то странно сочеталось с сообразительностью там, где была возможность что-то выгадать или избежать неприятностей для себя. Было как-то жутковато от этой личности. Ни один врач ничего не находил.

Я админ в группе "Юные Ларисы Черниковы", это для поддержки тех, кто потерял любимого до тридцати лет. Зашла, удалила сообщение. Одна новенькая другой новенькой посоветовала сделать аборт. Это нарушение правил группы, о чём есть ясное предупреждение. Да, это случайная зашла. Все наши против абортов потому, что знают, что такое смерть, умеют ценить жизнь.

К Новому Году приедет Маша. Мы учились в одном классе, а сейчас – однокурсницы. У неё командировка до двадцать пятого, сразу с вещами утром двадцать шестого хочет ко мне зайти, в дороге выпиться. Увезут ли чудо в перьях до этого времени? Будут те самые взрослые разговоры, которые не дают слушать детям. Я так мечтала, что мы будем вдвоём!

Не опять, а снова:

- Мира, а помнишь, как меня не взяли в поездку?
- Конечно, помню. Ты не захотела пристёгиваться.
- И что, теперь за это наказывать?
- Ты нарушила правила безопасности. А мы не можем позволить себе, чтобы при резком торможении твой вес летел на впереди сидящего.
- Ваши проблемы.
- Тогда твои проблемы, что тебя высадили.
- Не хочу, чтобы Миша с Настей выздоравливали. Хочу быть самой младшей.
- Э, ты чего? Сама не соблюдала изоляцию, заразила моих детей, а теперь ещё и капризы?
- Детей коронавируса не берёт! Они чистые!
- Именно поэтому твоя одноклассница в реанимации?
- Лена? Она взрослая, старшая из многодетной семьи. Да и коронавируса нет. Так, грипп обыкновенный.
- В школе всё-таки надо учиться.
- Ты мне не указывай, тоже мне, старшая выискалась! Ишь какая крутая, не только замуж выскочила, но и потерять успела! То, что твой Лёша сдох, не даёт тебе никаких особых прав, никто не обязан тебя жалеть и любить, не качай права.
- Не сдох, а умер, – начала я.
- Да какая разница?! Сжечь бы тебя, как в Индии.
- Ещё чего! Что это вообще такое?

Опять идём по кругу. Она постоянно мне напоминает, даже то, как в её трёхлетнем возрасте я хотела спать, а не играть с ней, поэтому в игре была убитой. И когда надо было идти в магазин, а её не могли оставить дома, не купили игрушку. Дома их горы, но надо было непременно эту, хотя шли вообще за другим, случайно попала на стенде. Своё отвратительное поведение оправдывает, кстати, этими психологическими травмами. Незанятый ум прокручивал старые обиды. А не хочет ли она вспомнить, как в шестом классе из-за её ночных капризов проспали экскурсионный автобус и пришлось ехать на такси в другую область?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.